

День поэзии серебряного века

Поля (самая лучшая)

номер ответственного 8(964)712-26-20 - Дашка

Цель:

- 1) Рассказать об основных особенностях серебряного века литературы: направления, причины и последствия. Показать тяжелые судьбы поэтов серебряного века, истории их жизни, взаимоотношения друг с другом. Показать влияние жизни поэта на его творчество. На примере личных историй поэтов показать, почему поэзия серебряного века была именно такой
- 2) Показать, что для поэзии нет единого стандарта и шаблона, и любое стихотворение может считаться произведением искусства

Атмосфера:

Мы находимся во второй половине 20 века, серебряный век уже закончился.

Дети и их инструктора (на первые этапы) – работники издательства, которые на данный момент занимаемся созданием сборника посвященному поэзии серебряного века и его самым “ярким” представителям.

Расписание:

- 17:15 Добро пожаловать в дом поэтов
- 17:20 Дом поэтов
- 18:00 Работа над книгой
- 18:20 Дневник поэта
- 18:30 Поэтический вечер символистов
- 18:50 Воспоминание 1
- 19:05 Воспоминание 2
- 19:20 Поэтический вечер акмеистов
- 19:30 Ужин
- 20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов
- 20:15 Воспоминание 3
- 20:30 Воспоминание 4
- 20:45 Поэтический вечер футуристов
- 21:10 Воспоминание 5
- 21:30 А что стало с серебряным веком?
- 21:40 Отрядная свечка
- 22:20 Общая свечка
- 22:50 ВЛГ
- 23:00 Отбой

17:15 Заставка

НЕ ИГРАЕШЬ

В заставке узнаем, что мы находимся в 1950 году, мы работаем в книжном издательстве и делаем выпускаем книгу про серебряный век. Мы приехали в дом поэтов в Санкт-Петербурге. В этот дом съехались различные литературные критики, любители и родственники поэтов, с которыми можно пообщаться.

17:20 Дом писателей

ПРОВОДИШЬ СТАНЦИЮ - АКМЕИЗМ. ТЫ - ОЛЬГА ВЫСОТСКАЯ (ИНФ В ПРИЛ К ПАМЯТКЕ)

СТАНЦИЯ	МЕСТО	ЧЕЛОВЕК
Акмеизм	комната с печкой	Поля М

18:00 Работа над книгой

ОФОРМЛЯЕШЬ ВЕЧЕР СИМВОЛИСТОВ и КВЕСТЫ

Закрепленные за поэтами комнаты, кто кого играет

ОТРЯД 1 (отряд Игоря и Рони)	ОТРЯД 2 (отряд Антона Н и Тани)	ОТРЯД 3 (отряд Антона Т и Ани)
Гиппиус - Катя Ф <u>Декадентс. символизм</u> (комната на втором этаже, справа от лестницы)	Цветаева - Аня Л <u>Вне направлений</u> (отрядная на втором этаже)	<u>Есенин</u> - Сережа И <u>Крестьянство, имажинизм</u> (второй этаж, самая левая, оргов)
Ахматова - Поля М <u>Акмеизм</u> (комната с печкой)	<u>Гумилев</u> - Антон Н <u>Акмеизм</u> (справа от входа в мал.холл)	<u>Мандельштам</u> - Игорь <u>Футуризм, акмеизм</u> (Справа от выхода из туалета)
<u>Маяковский</u> - Стас <u>Футуризм</u> (детская комната на втором, слева от лестницы)	<u>Северянин</u> - Макс Б <u>Эго-футуризм</u> (второй этаж, самая правая оргов)	<u>Блок</u> - Антон Т <u>Символизм</u> (второй этаж средняя, оргов)

18:20 Дневник поэта

Когда к тебе дошли твои дети, завязываешь им глаза и заводишь в свою комнату.

После, читаешь страницу из своего личного дневника, она может описывать поэта, событие из его жизни, кто он сейчас и так далее.

А после прочтения этой самой страницы, ты снимаешь с детей повязки, здороваются как со старыми друзьями и мы вместе отправляемся на поэтический вечер **символистов (Большой холл - столовая)**

Ребенок 1 _____

Ребенок 2 _____

Ребенок 3 _____

Ребенок 4 _____

18:30 Поэтический вечер символистов

Или идешь с детьми, или оформляешь квесты

Или с детьми на вечер (АКМЕИЗМА И ФУТУРИЗМА ЕЩЕ НЕТ), Если на вечере, тусуешься с Гумилевым, Менделештамом, можно поговорить с Блоком

ЧТО ТАКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ:

В течение дня нас ждет 5 “воспоминаний” с перерывами на поэтические вечера (общий этап).

Что такое “воспоминание”? Воспоминание - это квест с моментом из жизни этого писателя, который мог повлиять на него. Все пять квестов идут с взрослением поэта (от детства до смерти, например).

Формат всех квестов:

Поэт завязывает детям глаза, начинает рассказывать про какое-то событие в своей жизни, читает стихотворение, которое он написал переживая этот период в своей жизни (ПРИМЕР: Мне было 10 лет когда я переехал в другой город, тогда я написал этот стих). Начинаешь его читать.

После идет погружение в мир, вы дочитывает стих, открывает детям глаза.

Играем в квест.

Отводим детей обратно в комнату, рассказ от первого лица где рассказывается реальный конец это события в жизни писателя.

Начинаем читать про следующее воспоминание.

Механики для квестов:

1. ВЫБОР

С самого начала, когда дети еще с закрытыми глазами, ты вводишь их в атмосферу, нужно определить кем дети являются в мире. Они тоже становятся игровыми персонажами, тусуются вместе с поэтом, он просит у них помощи, спрашивает мнение в решении вопросов

2. МИР

Атмосферный мир, в котором что-то происходит, они отыгрывают атмосферу (если это бал - они танцуют на балу), наблюдая за жизнью писателя, могу с ним общаться, но призывать его делать что-то не получится, он действует по сценарию. Они могут делать что-то не связанное с историей поэта (допустим, помогать в чем-то).

3. СЛОВЕСКА

Это прописанная словесная игра, где дети могут говорить, принимать решения, что делать дальше, участвуют в происходящем и тд. Обычная словесная игра.

ВАЖНО: НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО ВЫБРАЛИ, ЕСТЬ ЗАРАНЕЕ ПРОПИСАННЫЙ СЦЕНАРИЙ, КОНЦОВКА ОСТАНЕТСЯ ТАКОЙ, КАК БЫЛА В РЕАЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

18:50 Воспоминание 1

СОВМЕСТНЫЙ КВЕСТ С НИКОЛАЕМ СТЕПАНОВИЧЕМ ГУМИЛЕВЫМ (ТОХА)

Играешь: Анна Андреевна Горенко

Квест группа: НИКТО

Место: Комната Ахматовой (комната с печкой)

Дети: Дети - твои бести

Краткое описание: Познакомилась в гимназии с Николаем (Антоном Н), общаешься с детьми, читаешь стихотворение, посвященное Федорову, пишем ему или нет. Тут приезжает Гумилев, хочет жениться, советуешься с детьми как реагировать, ведь Федоров и Кутузов, какой Гумилев... Шутим над ним немецким языком, а он говорит, что убьет себя, ну просто кошмар.

19:05 Воспоминание 2

Играешь: Анна Андреевна Ахматова

Квест группа: Витал (необяз), Нина

Место: Большой холл

Дети: Дети - люди на художественном обучении от Витала "Как заработать миллион всего за неделю"

Краткое описание: Дети - молодые французские и итальянские художники, Ахматова им позирует, среди детей есть организатор, постоянно ведущий с ними диалог о творчестве Ахматовой (почему она еще неизвестна), а ее браке, о связи с Модильяни (что о ней он отзывается особо). Дети и орг рисуют Ахматову. Через 4-5 минут подходит организатор и передает, что "Так вас видит Амадео". Ахматова восхищается работой.

19:20 Поэтический вечер акмеистов

СОБЫТИЕ: Поэтический вечер в "Цехе поэтов" Николая Гумилева

ВЫСТУПАЮТ: Ахматова (Поля М), Гумилев (Антон Н), Мандельштам (Игорь М)

(ТОЛЬКО СОБЫТИЕ)

ВЫСТУПАЕШЬ!!! (вечер акмеистов см. в приложении к памятке))

19:30 Ужин

Приятного аппетита!!!

20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов

ОФОРМЛЯЕШЬ БУДУЩЕЕ КВЕСТЫ

20:15 Воспоминание 3

Играешь: Анна Андреевна Ахматова

Квест группа: Маша Гапонова

Место: Комната Ахматовой (комната с печкой) + улица

Дети: Наталья Рыкова (подруга Ахматовой в Вятке), Виктор Иванович Рыков (ее отец), Вера Срезневская (подруга времен Царского Села), Лидия Чуковская (подруга-поэтесса), Фаина Раневская (организатор, актриса)

Краткое описание: Октябрьская революция. Общаетесь с Фаиной Раневской (Маша Гапонова), запрет печати. Тут, приходит телеграмма, где говорят про смерть Гумилева, успокаиваем Анну

20:30 Воспоминание 4

Играешь: Анна Андреевна Ахматова

Квест группа: Майя (Островская), Таня Андреева и Аня Юрлова, Ксюша (бедные девушки в очереди)

Место: Комната Ахматовой (комната с печкой), улица и ворота

Дети: Ирина Пунина (дочь Николая), Виктор Ардов (драматург друг), Нина Ольшевская (его жена), Лидия Чуковская (подруга, мемуаристка), Софья Островская (орг, "подруга", слежка НКВД, на протяжении всего события все время пишет в блокнот что-то).

НУ ОЧЕНЬ краткое описание: Слежка НКВД, сына забрали, "Слава миру". Майя весь квест записывает то, что ты говоришь и делаешь, но она типо твоя подружка. Потом идете делать передачку Льву, девушка в очереди узнает тебя говорит: а это вы описать сможете? Дети следят за подозрительной Майей и тырыпыры.

20:45 Поэтический вечер футуристов

СОБЫТИЕ: Дуэль за звание Короля Поэтов

ВЫСТУПАЮТ: Северянин (Макс Б), Маяковский (Стас), Крученых - актер (Таняша Л), Бурлюк - актер (Ваня С)

КРИТИКИ: Обсуждают два прошедших события поэтов своего отряда (вся инфа в приложении к памяткам)

Жоска комментируешь (ВСЯ ИНФ. В ПРИЛОЖЕНИИ К ПАМЯТКЕ)

21:10 Воспоминание 5

СОВМЕСТНЫЙ С ОСИПОМ МАНДЕЛЬШТАМОМ (ИГОРЕМ М)

Играешь: Анна Андреевна Ахматова

Квест группа: Роня (Надя Хазина-Мандельштам), Витал (арестовывает осипа)

Место: Комната Ахматовой (комната с печкой)

Дети: пришедшие на кружок "Звучащая раковина"

Краткое описание: Квартира Ахматовой, там Осип и его жена Надя. Разговариваете, волнуетесь, прячете свои стихи. ВДРУГ, приходит Витал, арестовывает Игоря, ведет на улицу, где его будут пытать, вот такая веселуха...

21:30 А что стало с серебряным веком?

уборка!!! Ты молодец!

21:40 Отрядная свечка

22:20 Общая свечка

22:50 ВЛГ

23:00 Отбой

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПАМЯТКЕ

Атмосфера станции: Ольга Николаевна Высотская - литературовед, актриса, возлюбленная Н.Гумилева, на момент станции ей около 80 лет, у них был сын - Орест, была постоянной посетительницей "Бродячей собаки".

«Одежда безупречных форм» (Н.Гумилев об акмеизме)

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,
Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:
«Я пробрался вглубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шёл мой караван;
Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,
И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.
Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.
Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река,
И в стране озёр пять больших племён
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;
Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребённый здесь в четырёх стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»
И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

13 января 1912 года я была в "Бродячей собаке" по случаю 25-летия литературной деятельности Бальмонта, тогда я впервые и познакомилась с Н.С. Гумилевым, он уже был в браке с А.А.Ахматовой, но с ним у нас сразу возникла искра. Помню, как закинула на люстру перчатку, после этого он подошел ко мне. Наш непродолжительный роман имел свои последствия, 26 октября 1913 года родился наш сын - Орест. Но о нем Николай так и не узнал, сразу после, в 1914 году, я и Орест уехали в Пятигорск, а затем в Курскую губернию. Хотя и мало времени было проведено мной рядом с Николаем Гумилевым, но я прекрасно помню его.

Николай Гумилев вошел в историю русской литературы как основатель акмеизма, поэт, переводчик и художественный критик. Он участвовал в Первой мировой войне, получил несколько орденов, много путешествовал. Кроме стихов, в его творческое наследие вошли и этнографические заметки о жизни народов Африки.

В Тифлисе семья прожила три года, затем вернулась в Царское Село, где Гумилев поступил в седьмой класс Царскосельской Николаевской гимназии. Как и раньше, учился он плохо, регулярно попадал в списки неуспевающих. Дело дошло до исключения, не дал отчислить юношу директор гимназии — поэт Иннокентий Анненский. На педагогическом совете он заступился за Гумилева и заметил, что неуспеваемость юного поэта компенсируется отличными стихами.

В 1903 году Гумилев познакомился со своей будущей женой — Анной Горенко, которая позднее прославилась под фамилией Ахматова. Она училась тогда в Мариинской женской гимназии и писала стихи. Гумилев сразу влюбился, но Ахматова долго не отвечала ему взаимностью.

Окончив гимназию в 1906 году, Гумилев отправился продолжать учебу в Париж. По совету Брюсова он хотел познакомиться с жившими там символистами — Дмитрием Мережковским, Зинаидой Гиппиус и Андреем Белым.

В 1908 году Гумилев побывал в Египте. Об этой поездке он мечтал давно, но его отец был против: Степан Гумилев хотел, чтобы сын уделял больше внимания учебе. Николай Гумилев придумал, как не огорчать отца. Он решил скрыть любую информацию о путешествии — заранее написал несколько поддельных писем, которые его друзья присылали семье поэта от его имени. Деньги на путешествие Гумилев скопил сам. Из Египта он написал Валерию Брюсову: *«Дорогой Валерий Яковлевич, я не мог не вспомнить Вас, находясь «близ медлительного Нила, там, где озеро Мериды, в царстве пламенного Ра». Но увы! Мне не удастся поехать в глубь страны, как я мечтал. Посмотрю сфинкса, полежу на камнях Мемфиса, а потом поеду не знаю куда».*

Почти весь 1913 год Гумилев путешествовал. Как посланник Академии наук он отправился в Африку — собирать информацию о местных жителях. Маршрут поэта пролегал через Турцию, Египет и Джибути. В пути он вел дневник, в котором описывал уклад жизни обитателей этих земель и местную природу.

1914 год изменил привычный богемный образ жизни Гумилева: распался «Цех поэтов», напряженными стали отношения с женой, а летом началась Первая мировая война. Россию охватил патриотический подъем, и, как многие другие, Николай Гумилев отправился на фронт добровольцем. «Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. В начале 1919 года Гумилев опубликовал перевод вавилонского эпоса «Гильгамеш». В это же время его пригласили преподавать мастерство перевода в недавно учрежденный Институт живого слова. В 1919 году Гумилев попытался воссоздать «Цех поэтов».

Николай Гумилев никогда не скрывал своего отрицательного отношения к новой власти. Он открыто заявлял, что не понимает и не уважает большевиков.

Раньше о политических убеждениях Гумилева никто не слышал. В советском Петербурге он стал даже незнакомым, даже явно большевикам открыто заявлять: «Я монархист». Гумилева уговаривали быть осторожнее. Он смеялся: «Большевики презирают перебежчиков и уважают саботажников. Я предпочитаю, чтобы меня уважали.

3 августа 1921 года Николая Гумилева арестовали. Его обвинили в контрреволюционной деятельности, заговоре против советской власти и сотрудничестве с Петроградской боевой организацией.

Руководителем заговорщиков назвали сотрудника Академии наук Владимира Таганцева. По делу Петроградской боевой организации Владимира Таганцева арестовали свыше ста человек. Почти все были представителями творческой и научной интеллигенции.

Гумилев Николай Степанович, 33 лет, б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии «Изд-во Всемирная Литература», беспартийный, офицер. Участник Петроградской Боевой Организации, активно содействовал составлению прокламации контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности.

Друзья Гумилева — поэты Николай Оцуп и Михаил Лозинский — пытались заступиться за него, но не смогли повлиять на решение комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. 24 августа был вынесен смертный приговор. 26 августа 1921 года Николая Гумилева и 56 других обвиняемых по делу Петроградской боевой организации Владимира Таганцева расстреляли.

В СССР творчество Николая Гумилева практически не изучали, а произведения не публиковали. Поэта реабилитировали только в 1992 году — тогда его дело признали сфабрикованным. Позднее были обнародованы документы, которые подтверждали существование Петроградской боевой организации. Однако вопрос о причастности Гумилева к ее работе до сих пор остается открытым. Место захоронения поэта неизвестно.

Начало XX века в России — это время активной литературной жизни. Каждый год возникали новые направления, а на поэтическом небосклоне загорались яркие звёзды. Одним из главных течений серебряного века был акмеизм, благодаря которому появились стихи Анны Ахматовой, Николая Гумилёва, Осипа Мандельштама и других великих авторов.

Акмеизм — полностью русское течение, поэты этого направления оказали большое влияние на всю поэзию 20 века. Направление, сложившееся в России в 1910–е годы. Это одно из ведущих направлений постсимволизма — так называют авангардные и модернистские течения русской литературы первой половины 20 века.

Акмеизм начался с поиска альтернатив эстетике и мировоззрению символистов. Первая аналитическая работа об акмеистах — статья Виктора Жирмунского 1916 года «Преодолевшие символизм». Но, в отличие от футуристов, акмеисты не провоцировали конфликт между направлениями, а предполагали преемственность.

Акмеизм — не интернациональное движение, как символизм, а исключительно русское. В то же время для акмеистов большое значение имела связь с западноевропейской культурой: многие поэты-акмеисты активно занимались художественным переводом.

История акмеизма началась с личной обиды. С 1905 по 1912 год поэт Вячеслав Иванов собирал кружок единомышленников в своей «Башне» — так друзья называли его квартиру в доходном доме Дернова в Санкт-Петербурге. На один из таких вечеров заглянул Николай Гумилёв, один из его любимых учеников. Там Гумилёв прочитал поэму «Блудный сын», которую его учитель неожиданно разгромил. К тому времени между ними уже накопились взаимные упрёки и обиды, поэтому Гумилёв вместе с друзьями просто покинул кружок Иванова и основал собственный «Цех поэтов». Кружок неслучайно стал называться именно «Цехом»: в понимании Гумилёва и Городецкого поэзия была скорее ремеслом, чем религиозным откровением. Во главу угла они поставили не пророческий дар, а труд по соединению земного и небесного. Организаторами и идеологами «Цеха» были Николай Гумилев и Сергей Городецкий — они же в 1912 году решили заявить о появлении акмеизма. Однако теоретические основания акмеизма более размыты, чем символистские. У каждого из акмеистов своя творческая система. Поэтому точный состав направления до сих пор является предметом споров. Как только участники «Цеха поэтов» поняли, что с символистами им не по пути, они решили выбрать для своего направления название. Как вспоминает секретарь кружка Анна Ахматова, имя было найдено самым простым способом: участники собрания просто достали с полки словарь и стали искать подходящее слово. Им оказалось греческое «акме», означавшее «вершину», «высшую степень» или «цветение».

Название направления — условное и неоднозначное. Вот как его объяснил Николай Гумилев в статье «Наследие символизма и акмеизм»: «На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, акмеизм ли (от слова акте — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь), — во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме». Как мы видим, даже для лидера движения термин был не очень принципиален. Второе название акмеизма, «адамизм», употреблялось реже и постепенно почти забылось. У этого литературного направления существовало еще название — кларизм (от французского «Кларе» — ясность).

Современники давали термину и иные толкования: Владимир Пяст видел его истоки в псевдониме Анны Ахматовой, по-латыни звучащем как *akmatus*, некоторые указывали на его связь с греческим *ἀκμή* — «острие».

Основатели содружества считали поэта не пророком, которому дан дар свыше, а ремесленником, старательно соединяющим «земное» с «небесным». Поэтому объединение и получило название «Цех». Эту идею Гумилев высказал в своем стихотворении «Фра Беато Анджелико» 1912 года:

Есть Бог, есть мир; они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Ведущий исследователь акмеизма Олег Лекманов описывает акмеизм как систему трех concentрических кругов.

● Самый широкий круг — все многочисленные участники «Цеха поэтов».

Акмеизм утвердился в теоретических работах и художественной практике Николая Гумилёва (статья «Наследие символизма и акмеизм» 1913), Сергея Городецкого («Некоторые течения в современной

русской поэзии» 1913), Осипа Мандельштама (статья «Утро акмеизма», опубликована в 1919 году), Анны Ахматовой, Михаила Зенкевича, Георгия Иванова, Елизаветы Кузьминой-Караваевой.

● Второй круг — шесть поэтов, которые были бесспорными лидерами направления:

Николай Гумилев

Анна Ахматова

Осип Мандельштам

Владимир Нарбут

Михаил Зенкевич

Сергей Городецкий

★ Третий, самый узкий круг — только Гумилев, Ахматова и Мандельштам: их объединяет не только принадлежность к реальной группе, но и особые свойства художественного языка. В центре системы стоит Гумилев — инициатор и организатор всего движения.

Акмеисты в своих манифестах призывали отказаться от символистской неопределенности.

Конкретное вместо абстрактного, земное и чувственное вместо туманов и ностальгии, ясность вместо загадок. Но их поэтическая практика намного сложнее этих принципов. Поэтами земного и вещественного можно уверенно называть Нарбута, Зенкевича и отчасти Городецкого. Тексты Гумилева, а особенно Мандельштама и Ахматовой, объединяет «семантическая поэтика» — этот термин ввели ученые-структуралисты в 1974 году.

Ее свойства:

— историзм: темы времени и памяти, включенности в историю (символизм, наоборот, обращен к вечному);

— «тоска по мировой культуре»: человек всегда находится в поле культуры, поэт — проводник культурной памяти, поэтому в акмеистских текстах так много цитат и аллюзий;

— самоценность языка: у символистов слово — знак, который намекает на невыразимое, у акмеистов слово важно само по себе (и лексикон поэтов-акмеистов более разнообразный и неожиданный);

— «прозаизация» поэзии, использование в поэтическом языке конкретных деталей, сюжетов, характерных для реалистической прозы.

Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определённое, точное значение;
- предметность и чёткость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к "подлинности" его чувств;
- поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, "тоска по мировой культуре"

Мы из каменных глыб создаем города,
Любим ясные мысли и точные числа,
И душе неприятно и странно, когда
Тянет ветер унылую песню без смысла.

Или море шумит. Ни надежда, ни страсть,
Все, что дорого нам, в них не сыщется ответа
Если ты человек — отрицай эту власть,
Подчини этот хор вдохновенью поэта.

И пора бы понять, что поэт не Орфей,
На пустом побережье вздохавший о тени,
А во фраке, с хлыстом, укротитель зверей
На залитой искусственным светом арене.

Георгий Иванов, один из младших участников Цеха, так запомнил процедуру:

«Официально Гумилев и Городецкий были равноправными хозяевами «Цеха» – синдиками. Они председательствовали поочередно и оба имели высокое преимущество сидеть в глубоких креслах во время заседания. Остальным – в том числе и Кузмину, и Блоку – полагались простые венские стулья. Обычно Городецкий во всем поддерживал Гумилева, но изредка, вероятно для формы, вступал с ним в спор. Гумилев говорил: «Прекрасно». Городецкий возражал: «Позорно».

Разумеется, Гумилев неизменно торжествовал. Вообще он очень любил спорить, но почти никогда не оказывался побежденным. С собеседниками, столь робкими, как его тогдашние ученики, это было нетрудно. Но и с серьезным противником он почти всегда находил средство сказать последнее слово, даже если был явно неправ.

Отношения между синдиками и членами «Цеха» были вроде отношений молодых офицеров с командиром полка. «В строю», то есть во время заседания, дисциплина была строжайшая.

Естественно, что «мэтры» и считавшие себя таковыми вскоре пообижались по разным поводам и «Цех» посещать перестали. Осталась зеленая молодежь. Наиболее «верные» впоследствии образовали группу акмеистов».

Официальная дата рождения акмеизма – 19 декабря 1912 года. В «Бродячей собаке», петербургском литературно-художественном кабаре, Сергей Городецкий прочитал доклад «Символизм и акмеизм». В 1913 году трибуной акмеистов стал литературно-художественный журнал «Аполлон», соперник символистских «Весов». В нем были напечатаны две программные статьи – «Некоторые течения в современной русской поэзии» Сергея Городецкого и «Наследие символизма и акмеизм» Николая Гумилева».

Еще один акмеистский журнал – «Гиперборей», задуманный специально как издание «Цеха поэтов». Его редактором был поэт и переводчик Михаил Лозинский. (Гиперборей в древнегреческой мифологии – счастливый народ поэтов и художников, жрецов Аполлона.) Авторы «Гиперборей» – «широкий» состав акмеистов. Кроме главной шестерки, это Лозинский, Мария Моравская, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Василий Гиппиус, Владимир Шилейко. Рядом, но не вместе с акмеистами – Михаил Кузмин и Владислав Ходасевич.

По пятницам в «Гиперборее»

Расцвет литературных роз.

И всех садов земных нестрее

По пятницам в «Гиперборее»

Как под жезлом волшебной феи,

Цветник прельстительный возрос.

По пятницам в «Гиперборее»

Расцвет литературных роз.

В 1912 году на собрание «Цеха поэтов» впервые пришёл молодой поэт со смешными ушами – Осип Мандельштам. Годом ранее он познакомился с Анной Ахматовой и её мужем Николаем Гумилёвым. С 1912 по 1921 год Мандельштам стал одним из самых ярких последователей акмеизма и развивал характерный для этого течения подход к слову.

В 1921 году был арестован и расстрелян Николай Гумилёв – главный идеолог акмеизма, – а само поэтическое движение зашло в тупик, лишившись лидера. Но самые яркие акмеисты, среди которых был и Мандельштам, продолжили творческое развитие и стали главными поэтами эпохи.

У акмеизма нет прямых «двойников» и общих кумиров, но есть литературные ориентиры, близкие им по эстетике соперники символизма.

❶ Французские поэты-«парнасцы». Альманахи «Современный Парнас», выходившие с 1866 по 1876, объединили поэтов, противопоставивших себя романтикам.

Мэтром парнасской школы был Теофиль Готье.

Парнасская эстетика ориентирована на внимание к предметному, вещественному миру, ярким и конкретным образам, отказу от метафизики. Для нее также характерны отсылки к визуальным и пластическим искусствам, сравнения поэзии с живописью и скульптурой (а для символистов и романтиков высшее искусство – музыка).

Поэт в представлении парнасцев — не вдохновенный мечтатель, а мастер. Поэзия в их представлении также должна отказаться от идеологии и философствования и стремиться к бесстрастной объективности.

Гумилев перевел программный для парнасцев сборник стихов Теофиля Готье «Эмали и камеи». Стихотворение Готье «Искусство» очень близко к тому, как Гумилев описывает идею акмеизма в своих статьях. Поэт должен отказаться от субъективного лирического голоса и уверенно, как скульптор, отчеканить красоту в слове:

*«И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь.
Чеканить, гнуть, бороться, —
И зыбкий сон мечты
Вольется
В бессмертные черты».*

② У акмеизма есть общие черты и с неоромантизмом. Неоромантиками называют авторов рубежа 19 и 20 веков, которых привлекали образы мощи, власти, радости, сильные герои, сюжеты завоеваний и экстремальных путешествий. Редьярд Киплинг, Джозеф Конрад, Джек Лондон, Эдмон Ростан — это тоже литературная линия, альтернативная символистам, хотя и не оформившаяся в единую группу.

③ Еще одна очень важная фигура для создателей «Цеха поэтов» — Иннокентий Анненский. Поэт, исторически близкий к символистам, но ни на кого не похожий, Анненский едва ли не единственный из старшего поколения, кто вызывал трепетное уважение у акмеистов и особенно у Ахматовой.

В поэзии Анненского для акмеистов ценен точный и строгий стиль. Анненский как автор переводов, комментариев и статей, специалист по античной литературе был также образцом поэта-филолога в противовес поэтам-философам и мистикам, которые доминировали в символизме.

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света
АХМАТОВА ОБ АННЕНСКОМ
А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем,
предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул
томленье —
И задохнулся...*

Страница из дневника (самое начало):

Я родилась в один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого и Эйфелевой башней. 11 июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота.

Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания — царкосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в "Царкосельскую оду".

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили. Я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма, и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина ("На рождение порфиородного отрока") и Некрасова ("Мороз, Красный нос"). Эти вещи знала наизусть моя мама.

В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была тёткой моего деда Эразма Ивановича Стогова...

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Мать и отец неустанно возмущались моими стихами, просили "не позорить имени", поэтому совсем скоро свои произведения я начала подписывать "Анна Г.", а затем ко мне пришло мое настоящее литературное имя – Анна Ахматова.

Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

Благодаря знакомству моему с Николаем Гумилевым, вышло в свет мое стихотворение "На руке его много блестящих колец...", впервые с ним я попала в "Бродячую собаку", так начался мой долгий и нелегкий жизненный путь поэта.

*Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.
И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,
И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...*

1904 г. (Анне 15 лет)

ВЕЧЕР СИМВОЛИСТОВ

Должна находиться в компании Гумилева и Мандельштама, может общаться с Блоком.

ВЕЧЕР АКМЕИСТОВ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Акмеизм (от греч. акме – высшая степень чего-либо, расцвет, зрелость, вершина, остриё) – одно из модернистских течений в русской поэзии 1910-х годов, сформировавшееся как реакция на крайности символизма. Акмеисты объединились в группу "Цех поэтов", в 1912-1913 гг. издавали журнал "Гиперборей". Главные идеи акмеизма были изложены в программных статьях Н. Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии»,

опубликованных в 1913 году в №1 журнала «Аполлон» (литературном органе группы в период ее расцвета), издававшемся под редакцией С. Маковского.

Детально разработанной философско-эстетической концепции акмеизм не выдвинул. Поэты разделяли взгляды символистов на природу искусства, абсолютизируя роль художника. Но они призывали очистить поэзию от использования туманных намеков и символов, провозгласив возврат к материальному миру и принятие его таким, каков он есть.

Для акмеистов оказалась неприемлемой импрессионистская тенденция к восприятию реальности как знака непознаваемого, как искаженного подобия высших сущностей. Акмеистами ценились такие элементы художественной формы, как стилистическое равновесие, живописная четкость образов, точно вымеренная композиция, отточенность деталей. В их стихах эстетизировались хрупкие грани вещей, утверждалась атмосфера любования бытовыми, привычными мелочами.

Основные принципы акмеизма:

- освобождение поэзии от символистских призывов к идеальному, возвращение ей ясности;
- отказ от мистической туманности, принятие земного мира в его многообразии, зримой конкретности, звучности, красочности;
- стремление придать слову определённое, точное значение;
- предметность и чёткость образов, отточенность деталей;
- обращение к человеку, к "подлинности" его чувств;
- поэтизация мира первозданных эмоций, первобытно-биологического природного начала;
- переключки с минувшими литературными эпохами, широчайшие эстетические ассоциации, "госка по мировой культуре"

Гумилёв:

Мы, русские, не можем считаться с французским символизмом, хотя бы уже потому, что новое течение акмеизм отдаёт решительное предпочтение романскому духу перед германским. Подобно тому, как французы искали новый, более свободный стих, акмеисты стремятся разбивать оковы метра пропуском слогов, более, чем когда-либо, свободной перестановкой ударений, и уже есть стихотворения, написанные по вновь продуманной силлабической системе стихосложения.

Я высоко ценю символистов за то, что они указали нам на значение в искусстве символа, но мы не согласны приносить ему в жертву прочих способов поэтического воздействия и ищем их полной согласованности. Этим мы отвечаем на вопрос о сравнительной "прекрасной трудности" двух течений: акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню.

А один из принципов нового направления - всегда идти по линии наибольшего сопротивления.

Свои стихотворения читают Ахматова, Гумилёв и Мандельштам

Ты пожалела, ты простила
И даже руку подала мне,
Когда в душе, где смерть бродила,
И камня не было на камне.
Так победитель благородный
Предоставляет без сомненья
Тому, кто был сейчас свободный,
И жизнь и даже часть имения.
Всё, что бессонными ночами
Из тьмы души я вызвал к свету,
Всё, что даровано богами
Мне, воину, и мне, поэту,
Всё, пред твоей склоняясь властью,
Всё дам и ничего не скрою

За ослепительное счастье
Хоть иногда побыть с тобою.
Лишь песен не проси ты милых,
Таких, как я слагал когда-то,
Ты знаешь, я их петь не в силах
Скрипучим голосом кастрата.
Не накажи меня за эти
Слова, не ввергни снова в бездну,—
Когда-нибудь при лунном свете,
Раб истомленный, я исчезну.
Я побегу в пустынном поле
Через канавы и заборы,
Забыв себя и ужас боли,
И все условия, договоры.
И не узнаешь никогда ты,
Чтоб в сердце не вошла тревога,
В какой болотине проклятой
Моя окончилась дорога.

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый —
И я тоже. Умру с тобой!»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.
«Вся Россия запомнит ту перчатку, о которой говорит у Ахматовой отвергнутая женщина, уходя от
того, кто оттолкнул ее» -Чуковский

За гремучую доблесть грядущих веков...

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,

Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

1931 г.

Отзывы:

Василий Гиппиус:

«Голос, запевший в стихах А. Ахматовой, выдает свою женскую душу. Здесь все женское: зоркость глаза, любовная память о милых вещах, грация – тонкая и чуть капризная. Эта грация, эта не столько манерность, сколько видимость манерности, кажется нужной, чтобы закрыть раны, потому что подлинный лирик всегда ранен, а А. Ахматова – подлинный лирик».

Владислав Ходасевич:

«Они пытались создать акмеизм, из которого, в сущности, ничего не вышло и от которого ничего не осталось, кроме названия».

Лидия Гинзбург:

«Акмеизм — необыкновенно чистая литература»

Осип Мандельштам:

Не идеи, а кусы акмеистов оказались убийственны для символизма

Сергей Городецкий:

Акмеизм же есть «борьба за этот мир, звучащий, красочный, меняющий формы, вес и время, за нашу планету Землю».

Событие:

1) Создание «Цеха поэтов»

"Цех поэтов" был основан в октябре 1911 года в Петербурге в противовес символистам, и протест участников группы был направлен против магического, метафизического характера языка поэзии символистов. Возглавляли группу Н. Гумилев и С. Городецкий. В состав группы входили также А. Ахматова, Г. Адамович, К. Вагинов, М. Зенкевич, Г. Иванов, В. Лозинский, О. Мандельштам, В. Нарбут, И. Одоевцева, О. Оцуп, В. Рождественский. "Цех" издавал журнал "Гиперборей".

Название кружка, образованное по образцу средневековых названий ремесленных объединений, указывало на отношение участников к поэзии как к чисто профессиональной сфере деятельности. "Цех" был школой формального мастерства, безразличного к особенностям мировоззрения участников. Поначалу они не отождествляли себя ни с одним из течений в литературе, да и не стремились к общей эстетической платформе.

ВЕЧЕР ФУТУРИСТОВ

Атмосфера: Вечер проходит в московском политехническом музее, во время "баттла" Маяковского и Северянина

Поэты (если поэта нет в дне, то за него прочитает "актёр"):

Северянин ("Весенний день")

Маяковский (Отрывок из “Облаков в штанах”)
Кручёных (“Дыр бул щыл” и “Смерть художника”)
Бурлюк (“ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА...”)
ТАНЯША

Свои выступления футуристы называли «поэзоконцертами» или «стихобойней». Первым на сцену вышел Маяковский в черном костюме и с хлыстом в руках. Он обратился к зрителям:
«Милостивые государыни и милостивые государи! В каждом городе, куда бы ни приехали футуристы, из-под груды газетной макулатуры выползает черная критика, утверждающая, что за раскрашенными лицами у футуристов нет ничего, кроме дерзости и нахальства, и что во всех скандалах российских литературных кабаков виноваты только футуристы. Это неверно. В лице футуристов вы имеете носителей протеста против шаблона, творцов нового искусства и революционеров духа. Как недоваренное мясо застряла в зубах нудная поэзия прошлого, а мы даем стихи острые и нужные, как зубочистки»

Первыми выступают актёры, читают за Кручёных и Бурлюка

Кручёных, “Дыр бул щыл”

Дыр бул щыл
убеш щур
скуп
вы со бу
р л эз

“Смерть художника”

привыкнув ко всем безобразьям
искал я их днём с фонарём
но увы! все износились проказы
не забытья мне ни на чём!

и взор устремивши к бесплотным
я тихо, но твердо сказал:
мир вовсе не рвотное —
и мордой уткнулся в Обводный канал...

Бурлюк, “Плати — покинем НАВСЕГДА...”

ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА уюты сладострастья.
ПРОКИСШИЕ ОГНИ погаснут ряби век
Носители участия
Всем этим имя человек.
Пускай судьба лишь горькая издевка
Душа — кабак, а небо — рвань
ПОЭЗИЯ — ИСТРЕПАННАЯ ДЕВКА
а красота кощунственная дрянь.

Маяковский зачитывает положения из “Пощёчины общественному вкусу”:

“Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.
Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.
Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот? Вымойте ваши

руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным. С высоты небоскребов мызираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

- 1) На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество).
- 2) На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.
- 3) С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами Венок грошовой славы.
- 4) Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших «Здорового смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.”

Д.Бурлюк, Алексей Крученых, В.Маяковский, Виктор Хлебников
Москва, 1912. Декабрь

Северянин выходит к Маяковскому

Северянин: Всё, хватит! Я не хочу больше поддерживать нападки на старую литературу! Я буду выступать отдельно!

“Позор стране, поднявшей шуму

Вкруг шарлатанов и шутов!

Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы

И стихотомы... без стихов!” (Поэза истребления)

Маяковский: А вы то поэт! И как вы свои женоподобные, надушенные стишки, что читаете нараспев, называете поэзией?

Северянин: А вы то судья?

Маяковский: Не верите мне, так спросите у любого! (В зал) Так кто же король поэтов? Будьте же с нами честны!

Критик: Ну точно не Северянин, кто же молчаливой публике напевает мотив из Амбруаза Тома?! Безусловно Маяковский, голос правды, будущего!

Гиппиус: Маяковский противен, но не без значения.

Критик: Да как же Маяковский!? Жалкий приспособленец, что лишь угождает желаниям новых хозяев! А вот Игорь Северянин-поэт с чистой душой.

Цветаева: Романтизм, идеализация, самая прекрасная форма чувственности, сравнимая с рукопожатием — слишком долгим и поцелуем — слишком лёгким, — вот что такое Игорь Северянин

Гиппиус: Северянин-подражательный, слабый поэт, обезьяна.

Критик: Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства.

Ахматова: А про стихи мои он говорит только “Не то, не то...” Вот только, не смотря, что выскочка, всё равно главный соперник Маяковского!

Критик: Оба они далеко не короли! Футуристы-пародия на настоящих поэтов, в чём же прок от стихов, что никто кроме них понять не может, не нужно нам такое будущее!

Северянин: Я требую честного голосования! Вы расскажете очередной свой хамский стих, а я зачитаю свой. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Маяковский: Пусть будет так! А кто начнёт? Или страшитесь?

Северянин: Вас?! Ни в коей мере!

Северянин выходит в центр, Маяковский уступает с характерным жестом, публика улюлюкает

Северянин, “Ещё не значит...”

Ещё не значит быть изменником –
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым...

Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить к любимому в письмо.

Пройтись по Морской с шатенками,
Свивать венки из кризантэм,
По-прежнему пить сливки с пенками
И кушать за десертом крем –

Ещё не значит... Прочь уныние
И ядовитая хандра!
Война – войной. Но очи синие,
Синейте завтра, как вчера!

Война – войной. А розы – розами.
Стихи – стихами. Снами – сны.
Мы живы смехом! живы грёзами!
А если живы – мы сильны!

В желаньи жить – сердца упрочены...
Живи, надейся и молчи...
Когда ж настанет наша очередь,
Цветы мы сменим на мечи!

Хлопают Блок, Цветаева, критики

Маяковский, отрывок из “Облаков в штанах”

“Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»

И эту секунду,
бенгальскую,
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.

Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!"

Хлопают Гумилёв, Мандельштам, Есенин и Гиппиус (но без особого энтузиазма, так типично "Хлоп...хлоп...хлоп), Ахматова максимум сидит и головой качает, меньше критиков хлопают

Две стороны стола, на которые надо положить бумажку. Налево-Маяковскому, направо-Северянину.

Маяковский с азартом наблюдает за голосованием и говорит друзьям: "Только мне кладут и Северянину! Мне налево, ему направо." Голосуют только поэты и критики, в это время в музей врывается пьяный Есенин.

Есенин: Короли..короли...Он король, вы король!

Северяннин: А кто пустил сюда деревенского алкоголика?

Есенин: Я?! Я не алкоголик! Я...я поэт, Сергей Есенин! Я вам зачитаю...КХМ..Вы помните? Вы..

Северяннин (перебивает): Выведите пожалуйста Сергея подышать свежим воздухом!

Маяковский: Ну что ты, Игорь, пусть читает!

Северин: Бог с вами..

Есенин: Так вот:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии...
(Письмо к женщине, отрывок)

Критик любой: Итоги голосования! *Объявляет победу Северянина*

В любом случае побеждает Северянин

Северянин, “Ретракт короля” (отрывок)

“Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам...”

СТИХИ НАИЗУСТЬ

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцаая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

*Ich will nicht mehr der Lüfte Zug,
Nicht mehr der Wellen Rauschen,
Ich will nicht mehr der Vögel Flug
Und ihrem Liede lauschen.*

*Ich will hinaus, ich will zu dir,
Ich will es selbst dir sagen:
Du bist mein Frühling, du nur mir,
In diesen lichten Tagen.*

Ихъ виль нихѣт мэр дер люфте цук,

Нихът мэр дэр вэлен раушэн,
Ихь виль нихът мэр дэр фо? гэль флюк
Унт ирэм лиде лаушен.

Ихь виль хинаус, ихь виль цу дир
Ихь виль эс зэльпст дир загэн
Ду бист майн фрюлиНГ (?), ду нур мир
Ин дизэн лихътэн тагэн.

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.
Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?
Окна тканью белую завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

В синеватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродит за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить расстройство
И быть многих бедствий виной.
Но он мне – своей Египтянке...
Что играет старик на шарманке?
А под ней весь парижский гул.
Словно гул подземного моря, –
Этот тоже довольно горя
И стыда и лиха хлебнул.

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между клёнов шёпот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на тёмный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-жёлтым огнём.
Сжала руки под тёмной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.
Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Всё, что было. Уйдешь, я умру.»
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,-
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озёра, степи, города
И зóри родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Болит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами

И под шинами черных марушь.

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадилный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

Что начал Стокгольм — продолжала Варшава,
И миру звучит неумолчная слава,
Воздвигнуто здание прочней пирамид.
И с каждой минутой все ярче горит
Тот светоч, зажженный народной волей,
Чтоб не было больше ни страха, ни боли.
Да здравствуют честные люди труда,
Да славится мир! Пусть везде и всегда.
Он узами дружбы скрепляет народы
И сеет прекрасные зерна свободы.

Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...
Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...